

К.П. ШЕВЦОВ

*Кандидат философских наук, доцент
Университет гражданской авиации*

СТРУКТУРА ВОСПОМИНАНИЯ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-03-00566

В статье показано, что анализ воспоминания как формы сознания длительности зависит от того, какое значение придается опыту настоящего и как проводится само различие настоящего и прошлого. Отказ от концепции подобия живого настоящего вечной истине разума и законов природы в философии Ницше позволяет увидеть в настоящем мгновенный эффект в едином процессе становления воли к власти и таким образом создать предпосылки идеи длительности как философии процесса. Ницше впервые ставит и вопрос о желании помнить, или о воле к памяти, как фундаментальный вопрос для аналитики воспоминания. В статье внимание уделено тем аспектам воспоминания, которые связаны с опытом тела, пространственной ориентации, игры.

Ключевые слова: воспоминание, настоящее, прошлое, тело, длительность, темпоральность, пространственная ориентация, игра

K.P. SHEVTSOV

*PhD of philosophy, Associate Professor
Civil Aviation University*

STRUCTURE OF RECOLLECTION

This work was supported by Grant RNF № 16-03-00566

The article shows that the analysis of memories as a form of consciousness duration depends on the importance attached to the experience of the present and what is the difference between the present and the past. Rejection of the concept of similarity of the living truth of the eternal laws of nature and of reason in Nietzsche's philosophy allows us to see in it an immediate effect in a single process of formation of the will to power and thus create conditions for a concept of duration. Nietzsche first puts the question about the desire to remember or will to memory, as a fundamental point for investigation of recollections. The article put attention to those aspects of remembering which are connected with the body experiences, the spatial orientation and the game.

Keywords: recollection, past, present, body, duration, temporality, spatial orientation, game

В классической философии проблема воспоминания рассматривается исключительно как дополнительная к вопросам восприятия, сознания и мысли, которые обладают актуальностью переживания и конституирования настоя-

щего. Ситуация изменяется, когда сама эта актуальность утрачивает внутреннюю достоверность, превращаясь в один из моментов структуры временности сознания, для которой прошлое воспоминания имеет ничуть не меньшее значение, чем данность восприятия. Прошлое обретает значимость по мере того, как наделяется значением настоящее, почему нет смысла ни подчинять его настоящему, ни выводить настоящее из него; с прошлым мы имеем дело как с *иным временем* и *иным способом бытия*, ибо то, что составляет саму значимость прошлого и настоящего, это раскол и разделение в единстве бытия. Можно ли говорить о смысле этого разделения, или, иначе, о *смысле прошлого*, данного в воспоминании? Этот вопрос влечет за собой следующий: каким образом в воспоминании не только разделяются, но и связываются настоящее и прошлое, какие различные пути из прошлого в настоящее и наоборот делают воспоминание нашей повседневной и как бы совершенно тривиальной действительностью?

Мы вспоминаем постоянно, хоть на шаг или полшага отступая под давлением настоящего и отыскивая в прошлом примеры иного действия, иной плотности переживаний, внутренней мобилизации или эмоциональной заряженности. Трудно избавиться от мысли, что прошлое – всего лишь невзрачный след того, что завершилось и изжило себя, и вспоминается лишь для придания объемности и глубины единственно реальному настоящему. Однако вне этой объемности и глубины момент Теперь не обладает достоверностью переживания, отличной от простого явления и утраты. Мы говорим о настоящем лишь потому, что наделяем фрагмент своего опыта значимостью настоящего, и также точно воспоминание проводит различие и выявляет значимость прошлого в той или этой его связи с настоящим. В отличие от платоновского припоминания, превозмогающего неверную память ради вневременных сущностей, воспоминание погружает в саму память о минувшем, наделяя вкусом к различению, процессу, временной протяженности и разрывам, к череде обыденных или же исключительных событий. Итак, воспоминание устанавливает значимость прошлого и следует ему, хранит его в себе и реализуется в нем, не случайно и Гуссерль, и Бергсон указывали на парадоксальность природы воспоминания, ведь оно никогда не совпадает с простым представлением прошлого, и стремится к нему как живому источнику своего бытия. Воспоминание не может быть отдельным актом, ибо полагается на непрерывную работу с сознанием времени, и стоит добавить, что эта работа была бы невозможна без изначального, пронизывающего все наше существование, *желания помнить*.

По-видимому, Фридрих Ницше первым показал, что желание помнить связано с оценкой, своеобразным измерением и исчислением настоящего. Должник оценивает настоящее, отделяя от каждого момента то, что должно быть возвращено кредитору, и сохраняя эту часть прожитого вплоть до

погашения долга. Таким образом, опыт настоящего включает в себя разделение, поскольку проживается как прошлое для будущего, воспоминание о данном обещании. В подобной огранке каждого мгновения рождается неучтенный избыток, не принадлежащий ни течению времени, ни кредитору, это и есть желание помнить прошлое и волиť будущее, быть в обещании мерой самого себя. Желание преобразует опыт, тем самым задавая определенные границы видения настоящего и представления прошлого. Чтобы прояснить саму возможность такого представления, стоит обратиться к предложенному Жаком Лаканом анализу структуры взгляда, примечательному помимо прочего тем, что поясняющим примером здесь служит воспоминание, которое, очевидно, саму эту структуру полностью воспроизводит.

Лакан полагает, что первичен взгляд Другого, но этот взгляд не являет себя, а, наоборот, скрывается, заставляя субъекта ощущать себя под взглядом вещей, отыскивать себе место в картине видимого, в которой «зрелище предваряет зрение» [1; С. 81]. Субъект желания способен вписать себя в эту картину лишь как пятно, поскольку пятно и есть его желание, а точнее, зияние, нехватка, конституирующее природу желания [1; С. 113]. Лакан рассказывает об эпизоде из своего прошлого, как, оказавшись в юности на рыбацкой лодке, он слышит от одного из рыбаков, Малыша Жана, замечание по поводу проплывающей мимо пустой банки сардин. Малыш Жан говорит, что может видеть банку в то время, как она его не видит, на что Лакан, спустя немало лет, отвечает, что на самом деле только объект, то есть пустая банка, и способна видеть [1; С. 105]. В этом памятном разногласии угадывается определенный подтекст: среди рыбаков Лакан должен был ощущать себя тем самым неуместным пятном в картине, которая указывает и «смотрит» на него, опережая его собственное видение. Рыбак, который знает себя частью этого мира, почти не различая себя в нем, не может пропустить нелепой фигуры чужака, консервной банки, проплывающей мимо вместо рыбы. Указывая на нее, Малыш смеется над Лаканом, оказавшимся на лодке в подобной роли, и даже если сам он не замечает всей соли иронии, Лакан отлично понимает ее, и спустя годы все еще сводит счеты с неприятным моментом прошлого. Воспоминание позволяет прояснить природу взгляда как возможность *присутствия* в видимом, поскольку Лакан возвращается к моменту, когда, лишившись привычного мира, он должен снова обрести лицо, чтобы стать адресатом обращения и, пусть и с опозданием, на него ответить. Отсрочка воспоминания как раз и позволяет ему увидеть то, что смотрит на него, вернуть Другому взгляд благодаря складке прошлого и настоящего. Воспоминание воспроизводит возможность видения, и здесь мы замечаем сходство с позицией Анри Бергсона, поскольку длительность является первоначально как тень, пятно, очерчивающее границу видимого, как темный фон, который превращает

свет в картину представления. Отсроченный ответ образует глубину живого тела, след совершившегося в прошлом, но так и не пережитого в настоящем. Лакан проговаривает эту мысль в отношении жеста, указывая на его внутреннее родство со взглядом¹, не удивительно поэтому, что и пример с Малышом Жаном оказывается настоящим жестом памяти, желанием перехватить взгляд прошлого и возвратить его в воспоминании. Иначе говоря, воспоминание служит завершением, и возвращает не только взгляд как изначальную трещину желания, но и возможность присвоить себе зримое пространство, способность видеть. Вот почему обычно вспоминаются картины, в которых нет ни тела вспоминающего, ни сознания Я, но есть то, что им предшествует: восприятие своего места в зрелище мира, простое бытие в-другом как *аффект прошлого*, к которому обращено желание помнить.

В «Феноменологии восприятия» Морис Мерло-Понти включает восприятие в структуру «индивидуальной истории», пытаясь принципиально разделить историю и память, по крайней мере, в том понимании, при котором забывается событие тела, а все существенное в опыте сводится к механике ассоциаций и узнаваний. Однако в своем споре с Бергсоном он следует во многом идеям оппонента, и это заставляет думать, что дело не в соперничестве памяти и тела за образ восприятия, а в непонятном Мерло-Понти желании помнить, которое придает опыту тела *иное прочтение*, отличное от удостоверения в его настоящем. Любой предмет можно *увидеть* в том качестве, в котором он известен *тактильно* или *на вкус, на запах, на слух*. В отдельном акте восприятия опосредовано множество ощущений, словно мы имеем дело со средой, в которой одно различается другим, и каждый момент требует собирания и присутствия всего тела *как целого*. В металлическом замке на двери ощущается незримый холод поверхности, не как прибавка к видению («холодок по коже»), а в самом качестве света, особом оттенке видимого, который мы замечаем, потому что перцептивное пространство наполнено вещественностью всего тела, вкусом материи. В отличие от наслоения чувственных качеств при синестезии, здесь мы встречаемся с первичным осуществлением самого *качества*, с его телесной артикуляцией, в которой уже известное, прошлое, служит ближайшим экраном выявления.

1 «Что такое жест? Угрожающий жест, к примеру? Это не прерванный на полдороге удар. Приостановка, задержка заложены в нем изначально... в качестве жеста он вписывается назад, в прошедшее время», «Время взгляда – это последний, придающий завершение жесту временной такт... Взгляд, который сам по себе не завершает движение – он его фиксирует» [1; С. 129].

Мерло-Понти приводит немало примеров взаимного определения чувственных качеств в восприятии («видение звуков или слышание цветов»), но в этой «синергетической системе» он различает лишь одну линию движения: «от бытия к миру» [2; С. 301]. Желание помнить ведет к тому, чтобы восполнить этот путь иным движением, возвращающим в наш мир собранность бытия. Здесь нам опять поможет лакановская аналитика желания, а точнее то, что интерпретируется Лаканом как физиологический сбой, преждевременность рождения, определяющая вступление человека в свою историю. Известно, что ребенок появляется на свет неготовым к передвижению и действию, как бы *без тела*, что накладывает отпечаток на все его развитие, включая формирование восприятия и памяти. Если поведение животных задано набором готовых реакций, то человек как будто отделен от собственного тела, ему лишь предстоит найти для себя специфическую форму существования в том, что хоть как-то доступно его усилиям, что может стать действительностью восприятия в период неспособности к действию. То, что у животных совершается естественным образом, для человека является целью и задачей действия: создать форму *непосредственного* сосуществования с миром. Иначе говоря, прежде всякого движения к миру, под вопросом оказывается принятие своего бытия в нем, *принятие своего тела* внутри единственной доступной деятельности – восприятия. Это присутствующее в восприятии *целое* тела, по-видимому, и есть первоначальный *образ прошлого*, чистая возможность вспоминания.

Эрнст Юнгер называл стереоскопическим наслаждением возможность извлекать из одного и того же тона сразу два чувственных качества, замечая, что подобное восприятие «вызывает нечто похожее на обморок, когда чувственное впечатление, обращенное к нам сначала своей поверхностью, вдруг раскрывает свою глубину» [3; С. 37]. Когда в видимой поверхности мы распознаем или пред-ощушаем ее мягкость или упругость, шероховатость, гладкость, прохладу или теплоту, *ясность* такого узнавания не объясняется прежним восприятием этих качеств, она вообще не принадлежит по отдельности ни зрительному, ни тактильному восприятию, а лишь событию, благодаря которому одно проявляется *в другом и сквозь другое*. Схожим образом мы различаем за видимой поверхностью вещей невидимую глубину не потому, что помним о скрытых сторонах, а потому, что сама *ясность видения* рождается на перекрестке прочих чувств, под взглядом невидимой глубины. Анализ сознания требует строгого различения акта и предмета, но в отношении памяти проведение этой дифференциации представляет существенную трудность. Несомненно, акт вспоминания дает нам знание о прошлом, однако *само прошлое* не может быть дано, если, конечно, не считать такой данностью метафоры следа, утасания, затуманивания явлений. Поскольку прошлое ушло и завершилось,

воспоминание служит явлением, восполняющим утрату. Ясность и глубина указывают не на способ данности или явление прошлого, а лишь на тот избыток в настоящем, внутри которого акт воспоминания и образ памяти находятся в процессе непрерывной настройки, невидимой работы памяти. Этот избыток можно представить неким ореолом настоящего, однако ближе подходит понимание его как события, происходящего в каждом действии, обретения ориентации в потоке явлений, возможности воспринимать явление на фоне других, данных или отсутствующих, удержанных в следах, мелькающих в случайных ассоциациях. Как полагал Бергсон, мы знаем прошлое, поскольку, действуя, уже находимся в нем. Для Бергсона речь шла о сжатии внешних впечатлений и переживаний в виртуальной плотности образа, но что осталось забытым в метафизике длительности, так это момент потери, утраты прошлого. Поскольку память сохраняет все пережитое, нет места для утраты, нет повода для возмещения утраченного, а потому нет направления, что придавало бы движению духа нацеленность действия. Конечно, о прошлом мы говорим как о своего рода виртуальном багаже, но знаем его, прежде всего, как жизненно необходимую разметку настоящего, благодаря которой каждый его элемент расчерчен множеством векторов действия, начатых или завершающихся дел, намерений, движений, планов. Тем самым мы не только надстраиваем новый мир над прежним, но и проживаем в нем событие утраты и восполнения прежнего, *сбытие прошлого* в настоящем.

Прошлое, о котором мы говорим, описывая прошедшие события, переживания, поступки, не отстоит от настоящего как даль отступающих в туман явлений, хотя бы потому, что прошлым оказывается также и ближайший миг, сменяемый другим. Каждое действие, направленное на объект, отталкивается от настоящего как от прошлого, чтобы восполнить утраченное начало в искомой цели. Тело как целое мобилизуется не в физических границах, а в множестве возможных направлений действия, которые включают в себя и ту часть мира, которая позволяет этому действию осуществиться. Так, по-видимому, понимает тело Мерло-Понти, когда пишет о нем как о смысле и встрече с миром, но, чтобы говорить о смысле прошлого в опыте настоящего, необходимо уяснить, что же утрачивается и восполняется в действии памяти. Представьте, что вы выходите на улицу вечером и попадаете в особый мир, который существует несколько минут, в течение которых вы идете до метро, этого времени достаточно, чтобы маленький мир состоялся как целое, как полнота, в которой ваше существование полностью отражалось в игре вечернего мрака, огней, свежего воздуха, приглушенных звуков дороги и пр. И вы прекрасно знаете, что этот мир, вместившийся в мгновение, будет потерян, как только вы окажетесь в метро, и больше не повторится, потому что после будет уже другой вечер и другая часть пути. То,

что утрачивается в этот момент, не сводится лишь к тем или иным явлениям, поскольку все они были моментами целого, благодаря которому вы ощущали себя именно там. Вечер пришел на смену дню, и то, что сделало этот вечер целым миром, будет утрачено так же, как и опыт прошедшего дня, более того, этот мир потому и был настолько полон, чтобы восполнить прежнюю утрату и отзвучать одновременно как прошлый и настоящий.

Можно сказать, что в прошлое уходит то, что делало настоящим настоящее, что делало живыми людьми, которые умерли, составляло дух мест, которые пришли в запустение, эйдос вещей, которые рассыпались в прах. Любое возмещение отмечает лишь действительную невосполнимость ушедшего, но благодаря этому оно переживается как новое, новый опыт, обновленная жизнь. Можно сказать, далее, что завершение, утрата происходит и с самим настоящим, поскольку то воспринимается в границах определенных качеств и форм, как целое, совершившееся в каждом моменте настоящего. Без этой завершенности было бы невозможно говорить о связи явлений, об открытости опыта будущим действиям и восприятиям, но это говорит о том, что в самом восприятии вещей мы различаем их определенность как прошлое для будущего, как память, направляющую к новизне каждого следующего мгновения. Мы возвращаемся к тому, что память знакомит с прошлым не как с явлением опыта, а как с его условием, утратой и восполнением, которые задают определенность границ, жизненность настоящего, пронизанного векторами действия и восприятия. В таком случае отдельный акт вспоминания возможен лишь как способ отступления от восприятия к его условию, как некое рассеивание интенции, растрата, предназначенная к тому, чтобы вернуться к событию восполнения, и отыскать в нем именно те образы и формы, в которых это восполнение осуществилось. Растрата означает здесь не столько потерю, сколько меру присутствия, опрокинутую в бытие, и потому одновременно закрытую для внешней интерпретации, и открывающую каждый опыт сознания простому факту предшествования бытия. Подобное опустошение настоящего в акте, растрачивающем самого себя, вполне можно назвать первичным воспоминанием, *протовспоминанием*.

Таким актом, по сути, является припоминание у Платона, поскольку ему предписано быть самоупразднением ради истинного знания, причем оно не может упраздниться окончательно, оставаясь даже в крайней точке особым образом встречи и подражания всегда предшествующему бытию истины. Собственно, этот образ определяет память как внутреннюю меру целого, и если для Платона важен момент припоминания тождественного, стоит спросить, как эта мера соотносится с возможностью вспоминать *то же самое*, возвращаться к тому, *что уже было*. Совершенно ясно, что вспоминаем мы не актуальную форму тождественного, а некий внутренний смысл тождества, его значимость для нас. Например, запах мыла может

напомнить ушедшее время, утраченное ощущение себя или других людей, и *узнается* он как тот же самый, поскольку уже тогда вместил в себя нечто другое, а именно все множество ощущений, которые теперь пробуждаются вместе с ним? Мыло пахнет одинаково, тогда и теперь, но возвращается не сам по себе запах, а именно возможность *вместить* одно в другое, удерживать свое тождество как место встречи. Нельзя вернуть само прошедшее, но то, что завершилось, очерчивает *место* настоящего, и потому опознается как уместное, соответствующее, как-то же самое, что и прежде. Можно заметить, что рассеивание взгляда позволяет отступить к явной или неявной разметке места, направляющей наше внимание в настоящем. Вот почему верность утраченному времени покоится на множестве разметок, ориентиров, способов освоения места: внешней территории или мнемонической топографии, организации текста или пространства речи. Иначе говоря, все то, что состоялось, тем самым стало местом для другого, по крайней мере, духом места, неустрашимым фантомом прошлого.

Чтобы отбросить наваждение непосредственных данных сознания, Мартин Хайдеггер предложил всмотреться в неброское присутствие подручных вещей, инструментов и утвари, приоткрывающих целостность целей и средств как непредметную истину присутствия, несокрытость бытия. Но можно отступить еще на шаг и поразмыслить о том, как вещь впервые выявляет себя в детской игре, в которой нет отсылки к другим вещам как внешним средствам и целям. Когда ребенок скатывает мякиш хлеба, придавая ему разные фигуры, он находит в нем отражение своих собственных действий, усилий, которые ему удастся вложить в мир, чтобы подстроить под себя, размять его материю и отпечатать в ней свое присутствие. Вещь выявляется в игре как способ регистрации присутствия, при этом тонкая грань настоящего и прошлого воспроизводится в каждой форме, в самом различии материала, субстрата всевозможных форм, и каждой новой фигуры, возникающей как продолжение тела в настоящем. Игра похожа на процесс узнавания, вынесенный вовне, поскольку узнанная вещь удваивается, обретая уже известный образ. В этот момент не только прошлое дает явиться вещи в знакомом облике, но и, наоборот, вещь позволяет прошлому облечься в образ, заимствованный у настоящего. Это короткое явление прошлого в настоящем и есть время игры, в которой каждая форма, приданная хлебу, rozpoзнается как след и отгиск действия, отданного прошлому и заново обретенного в настоящем. Каждая игра значима тем, что открывает нам некую возможность действия, и потому мы вправе говорить об игре в прошлое как освоении самостоятельного акта воспоминания. Наш опыт был бы невозможен без внутренней работы памяти, без узнавания бесчисленных вещей, входящих в наше окружение, но, чтобы память стала целью и предметом действия, чтобы для прошлого нашелся способ *представления* в настоящем,

необходимо научиться своеобразной игре с прошлым, которая, начиная с того же кусочка хлеба, рано или поздно охватывает собой весь мир, включая людей, вещи, места, события, знаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. Семинары: Книга XI (1964). Перевод А. Черноглазова. М.: «Гнозис», Издательство «Логос». 2004.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
3. Юнгер Эрнст. Сердце искателя приключений. Фигуры и каприччо. Пер. с нем. А. Михайловского. Ad Marginem, 2004.

TRANSLIT

1. Lakan Zh. Chetyre osnovnye ponjatija psihoanaliza. Seminary: Kniga XI (1964). Perevod A. Chernoglazova. M.: «Gnozis», Izdateľ'stvo «Logos». 2004.
2. Merlo-Ponti M. Fenomenologija vosprijatija. SPb.: Juventa; Nauka, 1999.
3. Junger Jernst. Serdce iskatelja prikljuchenij. Figury i kaprichcho. Per. s nem. A. Mihajlovskogo. Ad Marginem, 2004.